

*А. Кадиевич
(Белград, Сербия)*

**Основные исторические, идеологические
и эстетические аспекты архитектуры
русской эмиграции в Югославии 1920—1950-х гг.:
исследование, интерпретация, оценка¹**

Среди сорока пяти тысяч русских, прибывших в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) в ходе эмиграции 1919—1921 гг., было немало высококлассных специалистов в разных областях, в том числе более семидесяти архитекторов. К концу 1920-х гг. к ним добавилось еще восемьдесят архитекторов из числа тех, кто ранее эмигрировал в другие страны, и несколько сотен инженеров-строителей, имеющих опыт проектирования. Чуть менее трети всех эмигрантов проживали в Белграде, где после разрушительной войны испытывалась большая потребность в высококлассных специалистах. Масштабные планы восстановления столицы Королевства и официальные приглашения от имени правительства привлекли нескольких видных русских архитекторов, живших в изгнании. В начале 1930-х гг., после роспуска российских вооруженных сил и отъезда значительного числа эмигрантов в другие страны, русских в Югославии стало намного меньше. И все же наиболее выдающиеся строители предпочли остаться здесь навсегда.

Идеологически и эстетически многосторонний вклад русских архитекторов и строителей в сербскую культуру 1920—1950-х гг. является воистину глобальным. Судя по количеству возведенных сооружений (более 5000), по числу архитекторов и строительных инженеров, участвовавших в их создании (более 250), по качеству и монументальности творений, деятельность русских эмигрантов в Югославии была чрезвычайно

¹ Перевод Д. А. Прияткина.

успешной, многогранной, пользовалась политической поддержкой, отличалась экономической стабильностью, творческой мыслью и преемственностью. Большая часть произведений наиболее талантливых русских зодчих-эмигрантов стала существенным вкладом в развитие сербской и югославской архитектуры.

До сего дня деятельность русских строителей-эмигрантов, протекавшая по всей территории Югославии, изучена крайне мало. Во многом исследования затруднены тем, что как сами строения — монументальные административные здания, жилые дома и виллы, церкви, памятники, дороги и другие инфраструктурные сооружения, так и архивные материалы о них весьма разрозненны, а некоторые источники и вовсе недоступны. Большая часть материалов утрачена, а многие здания и сооружения за прошедшие годы подверглись значительным изменениям и реконструкциям. Более тщательному и глубокому изучению вклада отдельных русских архитекторов препятствует также отсутствие или недостаточность информации об их деятельности до приезда в Югославию и после того, как они покинули страну во время Второй мировой войны. Архитекторы, оставшиеся в провинциях, часто меняли места проживания, из-за чего очень трудно отследить все, что они построили или спроектировали. Существующие здания, техническая и архивная документация, вырезки из газет того времени и материалы из личных архивов «сербских русских» (Самойлова, Еремеева, Медведева и Анагности) дают лишь частичное представление о масштабах их деятельности.

До начала 1990-х гг. роль русских архитекторов в сербской архитектуре существенно преуменьшалась, и есть подтверждения тому, что подобное суждение базировалось на односторонних оценках, не учитывавших взаимосвязь их творчества с другими явлениями. С другой стороны, наряду с попытками ученых, занимающихся историографией «России в изгнании», переломить идущую из тоталитарного прошлого тенденцию преуменьшать роль русской эмиграции в чем бы то ни было, возникают отдельные попытки всячески эту роль преувеличить. Такого рода односторонние и, по сути, весьма архаичные интерпретации «от противного», присутствующие в беллетризованных «историях», очерках, документальных сериалах и фильмах, не способствуют объективной оценке деятельности русских архитекторов-эмигрантов.

Самым ценным свидетельством их деятельности являются их творения, распространенные почти по всей территории Югославии. Важным источником сведений о жизни и деятельности этих людей служат также архивные материалы, чертежи, находящиеся в библиотеках различных

научных и культурных учреждений, личные архивы некоторых авторов и публикации в «межвоенной» периодике.

Согласно данным Центрального совета федерации российских инженеров в эмиграции, находившегося в Париже, в 1916 г. в царской России было 16 300 дипломированных инженеров. Из них эмигрировало 3000 (18,4 %). Согласно оценкам историков, к концу 1923 г. в Королевство СХС прибыло 1200 инженеров, то есть 40 % от всех инженеров-эмигрантов.

В середине 1922 г. в Белграде был образован Союз русских инженеров в СХС — первая профессиональная организация инженеров-эмигрантов. Вначале в руководстве Союза преобладали железнодорожники, следующими по численности были военные и горные инженеры, архитекторы же шли на четвертой позиции. Но вскоре входившие в Союз архитекторы, недовольные таким положением, откололись и образовали отдельное Общество архитекторов, числом в сорок членов. Причиной разногласий между архитекторами и Союзом служило то, что архитекторы считали себя особой кастой среди инженеров — творцами, элитой.

Самые известные и перспективные русские архитекторы были сосредоточены главным образом в архитектурном отделе Министерства строительства. Поскольку к концу второго десятилетия XX в. испытывалась острая нехватка квалифицированных сербских специалистов, Министерство нанимало русских архитекторов, выступавших в качестве экспертов, инспекторов, проектировщиков, начальников строительства, прорабов и чертежников. Первыми из русских архитекторов, принятых на работу в Министерство, были архитекторы Василий Андросов, Николай Краснов, Виктор Лукомский и Николай Мышковский; вскоре за ними последовали Сташевский, Олейников, Баумгартен и другие. Приписанные к разным отделам и работавшие над разными типами сооружений, такими как административные здания, жилые дома и курортные сооружения, культовые сооружения, памятники, школы, больницы, торговые и промышленные сооружения, эти русские мастера разработали множество самых разнообразных проектов — в зависимости от заказов, поступавших преимущественно из Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговины, изредка — из Хорватии и Черногории. С помощью Министерства строительства бурную строительную деятельность развили также Министерство религии и Министерство транспорта. Особенно быстрыми темпами велось строительство на вновь освобожденных территориях, где испытывалась большая потребность в церквях, памятниках и светских сооружениях.

Стремясь возобновить учебу, прерванную мировой и Гражданской войнами, множество русской молодежи поступило на архитектурное

отделение технического факультета в Белграде. Из русских архитекторов и инженеров-строителей, работавших в Белграде в частных и кооперативных бюро, можно выделить Евгения Гулина, Якова Козинского, Владимира Былинского, Василия Гончарова, Валерия Шашевского, Николая Мессароша, Василия Олейникова, Георгия Еремеева, Николая Шилова, Леонида Макшеева, Андрея Папкова и Виктора Лукомского. Часть русских инженеров и архитекторов объединялась в бригады квалифицированных и неквалифицированных рабочих и нанималась на работу у муниципалитетов и частных подрядчиков. Строители, нанятые в техническом отделе городской управы Белграда, участвовали в работах согласно градостроительному плану. В 1920 г. во главе бюро по разработке генплана Белграда был поставлен Георгий Ковалевский. Согласно постановлению городского совета, всем строительством ведал инженер Сергей Смирнов.

Среди русских архитекторов, приехавших в Королевство СХС, очевидно, не было представителей авангарда. Большинство творческие люди, принадлежавшие к этому направлению, либо остались в СССР, либо бежали в более «развитые» центры Европы, Северной и Латинской Америки. Подобно тому как югославская «ветвь» русских художников и скульпторов представлена теми, кто опирался на традиции реализма, так и среди архитекторов преобладали творцы, воспитанные в духе русской имперской архитектуры неоклассического направления.

Ведущие русские архитекторы старшего и среднего поколений, такие как Краснов, Андросов и Лукомский, так же как и наиболее перспективные из молодых, ориентировались скорее на «византизм» и академическую традицию, привычную для Белграда, нежели на сецессионистскую и ранне-функционалистскую ориентацию западных частей Югославии. Они без труда встроились в архитектурный ландшафт тогдашнего Белграда и даже сумели оказать на него собственное стилистическое влияние. В 1920-е гг., строя преимущественно в академическом стиле, русские архитекторы заметно повлияли на своих сербских коллег. Изучая опыт русских, сербские архитекторы научились достигать требуемой монументальности и представительности административных зданий, равно как и тщательной проработки декоративных и архитектурных деталей. То, как русские архитекторы решали пространственные и конструктивные проблемы в строительстве, отвечало вкусам публики. Они встраивали сложные архитектурные объемы в плотную городскую застройку значительно лучше своих сербских коллег — последним, только что вернувшимся с фронта, явно не хватало опыта. Помимо проектов, выполняемых для потребностей столицы, выросшей за этот период втрое, и для других растущих городов, русские архитекторы строили

и для своих соотечественников — церкви, памятники, здания различных национальных центров и ассоциаций.

В течение длительного времени сербские архитекторы не могли угнаться за своими русскими коллегами в решении сложных проблем проектирования и строительства, особенно в области строительства монументальных и административных зданий, как в столице, так и в региональных центрах. Русским удавалось ввести узнаваемые черты собственного академического метода в сочетании с творчески переосмысленными элементами различного исторического декора в такие выдающиеся городские ансамбли, как на улицах Неманьи́на и Прибче Милош в Белграде. Основными чертами метода русских архитекторов, отличающими его от преобладающего стиля европейского академизма, являются: выраженная тенденция к монументальности, очевидная даже в небольших зданиях, тщательная проработка ярусной композиции здания, отсутствие выраженного основного мотива, постоянное применение рустовки на уровне первых этажей, тенденция к сужению или скруглению верхних объемов здания, широкое использование скульптуры и лепнины (в особенности, скульптурные изображения львов и арочные проемы). Они нередко злоупотребляли декором, чрезмерно украшая фасады скульптурами, колоннами, карнизами, нишами и парапетами.

Работая во множестве профильных организаций в Югославии, на протяжении 1920-х гг. многие выдающиеся русские специалисты создали значительные архитектурные произведения. В основном они строили в академическом и национально-сербском стилях. Высокий профессиональный уровень их работы принес им уважение в профессиональных кругах и признание клиентов. До середины 1920-х гг. и даже позже русские архитекторы создали все важнейшие правительственные здания. Эти здания несут в себе характерные черты русского академизма, приспособленного к сербским реалиям (Институт военной географии в Калемджане, Государственный архив, Министерство финансов, Министерство леса и горной добычи, Штаб военного командования, Военная казарма и Центр гвардии в Топчидере, студенческое общежитие «Александр I» в Белграде и Дом офицеров в Скопье). В этот благоприятный для русских архитекторов период самым выдающимся среди них был Николай Краснов. Своей славой он обязан в первую очередь реконструкции Ньеговской часовни на горе Ловен, исполненной в духе вдохновенного исторического романтизма. Реконструкция была произведена в 1924 г. по заказу короля Александра.

Помимо академического стиля, русские работали в традиционно русском и азиатском стилях (Иверская часовня и мемориал русских воинов и Николая II в Ново Гробье, церковь Святой Троицы в Тасмайдане,

калмыцкий храм в Малы Мокры Луг, часовня в Панчеве), в духе сербского национального стиля и неохотно принятого ими модернизма. Иногда они сочетали элементы различных исторических стилей и модернизировали их сецессионистскими мотивами. Насколько свободной и ассоциативно богатой была интерпретация стилей (ренессанс, барокко, ампир) у русских архитекторов, настолько же ограничены они были рамками формализма, традиционализма и необходимостью привнесения неорганичных им, чужеродных мотивов. Это противоречие характерно для большинства произведений русских зодчих в Югославии.

Что же касается строительства церквей, то тут русские архитекторы не уступали сербским коллегам ни в количестве, ни в качестве. В основном они полагались на местные средневековые традиции и лишь изредка — на собственную национальную традицию. На протяжении 1920—1930-х гг. архитектор Василий Андросов построил более двадцати церквей по всей Югославии. Активное участие в строительстве церквей принимали также архитекторы Лукомский, Рык, Самойлов и Клепинин. Особого упоминания заслуживает монументальное, дворцового типа здание Патриархии в Белграде, воздвигнутое архитектором Виктором Лукомским в 1935 г. В период между мировыми войнами русские архитекторы активно занимались перестройками и достройками уже существующих зданий, придавая им подчеркнuto декоративный, в каком-то смысле величественный вид. В украшении фасадов они сотрудничали как с русскими скульпторами-эмигрантами, так и с сербскими художниками — специалистами по фасадам.

Большая заслуга в том, что в 1920-е гг. русский академизм занял главенствующее положение в сербской архитектуре, принадлежит уже упомянутому академику, архитектору Николаю Петровичу Краснову (1864—1939). Часть типичной застройки городского центра Белграда до сих пор хранит отпечаток академизма в его несколько нарочитой строгости. Краснову, признанному специалисту монументальной архитектуры, часто поручалась отделка, планирование или проектирование величественных государственных зданий. Русский «кружок» в Министерстве строительства находился под особым покровительством короля Александра, что нашло свое конкретное воплощение в сооружениях, построенных по заказу королевской семьи Карагеоргиевичей — церковь в Ополенаце, резиденция в Денинье, Земунский мост, церковь в Рогаче и т. д. Будучи благосклонен к русским архитекторам, особенно к Краснову и Андросову, король Александр рассчитывал, что они будут развивать «единый югославский» и сербский стили. С появлением в Сербии русских эмигрантов число профессионалов, знающих толк в византийской

культурной традиции, значительно возросло, и король Александр рассчитывал на русских архитекторов даже при создании сооружений в традиционном сербском стиле.

Если говорить об идейном содержании, отвечающем общим идеологическим задачам и конкретному культурному контексту, следует отметить, что процесс создания и воплощения «югославизма» нужно понимать в трех культурных парадигмах (системах понятий). Первая — «исконность», представление о единой и неделимой, аутентичной и автономной югославской нации (народе, этносе, культуре). Вторая — «синкретизм», основанный на понимании «югославизма» как синтеза «племенных» национальных начал — этнических, культурных и региональных традиций и идентичностей. Третий аспект — это «универсализм», понимание югославского народа и государства как законного и неотъемлемого члена европейского культурного сообщества. Русские архитекторы успешно творили в рамках каждой из этих трех систем.

В 1930-е гг. углубилась пропасть между русскими и местными архитекторами. В периодической печати часто звучала критика в адрес «вредоносных иностранцев», которых еще недавно величали «русскими братьями». Главной причиной обострения было то, что во время кризиса 1929—1935 гг., когда спрос на услуги архитекторов значительно упал, заказчики нередко отдавали предпочтение русским. И хотя русские архитекторы по-прежнему получали много заказов и возводили монументальные здания, собственно сербская архитектура развивалась уже без их влияния, опираясь на принципы, заложенные довоенными сербскими архитекторами.

Ориентируясь на зарубежный опыт, сербские «модернисты» предпочитали традиционной направленности русских архитекторов дух французского и чешского архитектурного авангарда. Опираясь преимущественно на официальную поддержку государственных институтов и не состоя в сербских профессиональных союзах, русские архитекторы представляли собой замкнутую, обособленную группу в архитектурном сообществе.

Тем не менее в 1930-е гг. молодые русские архитекторы могли преуспеть, лишь выставляясь или работая вместе с сербскими коллегами. Только наиболее именитые русские архитекторы сохранили свое положение в профессии. Помимо здания Патриархии в Белграде, наиболее значительными произведениями русских архитекторов в 1930-е гг. являются: здание местной администрации в Цетинье (Краснов), Сербско-русская усыпальница в Ново-Гробье в Белграде (Верховской), церкви в Кумарево и Пожеге (Андросов), церкви в Вуцье и Белграде (Самойлов), церковь

в Лазареваце (Рык), пилоны Земунского моста и монумент на острове Видо (Краснов), Русский дом в Белграде (Баумгартен) и Дом подмастерьев в Нише (Медведев). Принципы современной архитектуры, не принятые старшим поколением русских архитекторов, теперь применялись молодежью, сформировавшейся под непосредственным влиянием сербских модернистов, — Сташевским, Кратом, Макшеевым, Медведевым, Поздняковым, отчасти — Татариновым, Папковым, Самойловым. Поскольку ведущая роль в модернистской архитектуре Белграда принадлежит сербам — Злоковичу, Брашовану, Коичу и Добровичу, модернистские работы русских архитекторов имеют меньшее значение.

Редким примером русского архитектора, сформировавшегося под прямым влиянием своего сербского учителя, является Павел Крат, набравшийся опыта в студии Драгиши Брашована. Он известен своей реконструкцией здания почты № 2, изначально спроектированного архитектором Коруновичем. Крат произвел реконструкцию в стиле модернизма, тем самым отвергнув исходный национально-экспрессионистский стиль здания. Важный вклад в архитектурный облик юго-восточной Сербии в довоенный и послевоенный период внес архитектор Александр Медведев. Его сын Михаил Медведев принадлежит к ведущей когорте современных сербских архитекторов.

Несмотря на противостояние со стороны некоторых сербских коллег, русские архитекторы оказали существенное профессиональное влияние на архитектуру Сербии, особенно в 1920-е гг. Хотя роль русских в нашей архитектуре не была революционной, первооткрывательской, авангардной — в том смысле, в каком понимают «авангард» модернисты, можно сделать вывод, что их вклад в практику сербского зодчества в деле приближения последнего к европейскому уровню был весьма значителен. Именно благодаря русским архитекторам произошло преобразование сербских городов, временно прерванное войной, из поселений, по виду своему вполне азиатских, в современные европейские города с соответствующей архитектурой. Они научили сербских архитекторов, опиравшихся на академический и сербский национальный стили, мыслить шире и свободнее, и овладевать монументальными формами. К тому же русские архитекторы сподвигли сербов на более смелое использование скульптуры и архитектурной лепнины. Во многих отношениях они проявили ту оригинальность, благодаря которой их работы легко узнаваемы среди сербской архитектуры.

Строя общественные здания в академическом духе, русские эмигранты занимали главенствующее положение в «официальной» архитектуре 1920-х гг. Именно у русских сербы, только что возвратившиеся с фронта

или закончившие университеты, учились проектировать и строить монументальные здания, применять декоративные элементы, филигранно прорабатывать детали, использовать геральдику. Русские архитекторы не только удовлетворяли потребности столицы, население которой выросло в три раза, но и строили для своих соотечественников — церкви, школы, кладбищенские часовни, памятники и здания для всевозможных русских организаций.

Вклад русских в архитектуру Белграда и Сербии, хоть и неравнозначный по ценности, измеряется величиной, утонченностью и монументальностью сооружений всевозможного назначения. Имея склонность к эклектике, они наполняли свои произведения славянской эмоциональностью, смягчающей строгую иерархичность академического стиля, подчеркивая контрастность и контуры архитектурного произведения. Академические нормы, каноны и строгости не смогли полностью подавить их творческое воображение.

Создавая единый «Александровский» стиль архитектуры общественных зданий с опорой на собственные пристрастия, развивая идеи сербского стиля, они проявили в этом достаточно таланта и изобретательности — и заслужили признание местных идеологов этого движения.

Благодаря русским, сербская архитектура освободилась от провинциальных шор и приблизилась к передовым европейским культурам. И неизбежная модернизация сербской архитектуры была бы невозможна, если бы не русские эмигранты, создавшие необходимые условия для этого. Устанавливая высокие профессиональные стандарты и создавая конкурентную среду, они стимулировали творческое взросление сербских архитекторов. Будучи в своем искусстве консерваторами, «охранителями», они в немалой степени способствовали секуляризации и индустриализации технически слабо развитого, аграрного и патриархального общества.

Немецкая оккупация, гражданская война и антифашистская борьба в Югославии (1941—1945) вынудили большую часть «русских сербов» на новую эмиграцию. Некоторые из оставшихся продолжили профессиональную деятельность в градостроительных структурах новой, социалистической Югославии. Новая волна эмиграции среди русских архитекторов была связана с кризисом Информбюро 1948 г. Их деятельность в Новом Свете (Северная и Южная Америка), куда они в основном отъехали, остается по сей день малоизученной.

Новейшие исторические исследования архитектурных творений сотен русских эмигрантов, работавших в Югославии с 1920 по 1950 гг.,

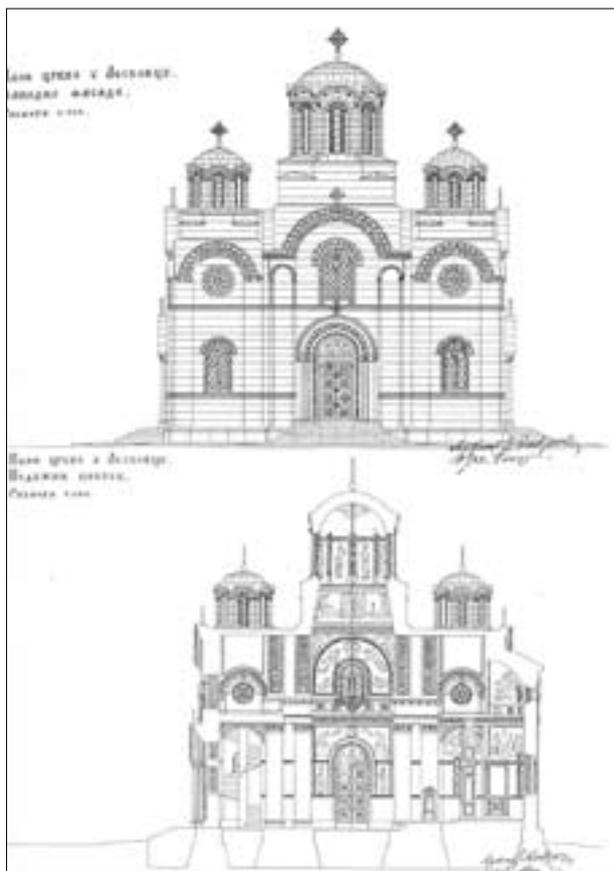
указывают на необходимость четкой оценки идеологической, эстетической и социальной обусловленности их творчества. Их профессиональная деятельность не имеет однозначной идеологической привязки — в определенном смысле она связана с официальной идеологией «югославского единства», но при этом выражала русский историзм (в эмигрантском варианте) и способствовала процессу модернизации, постепенно преобразующему отсталое сербское общество.

Основные работы о русских архитекторах-эмигрантах в сербской историографии

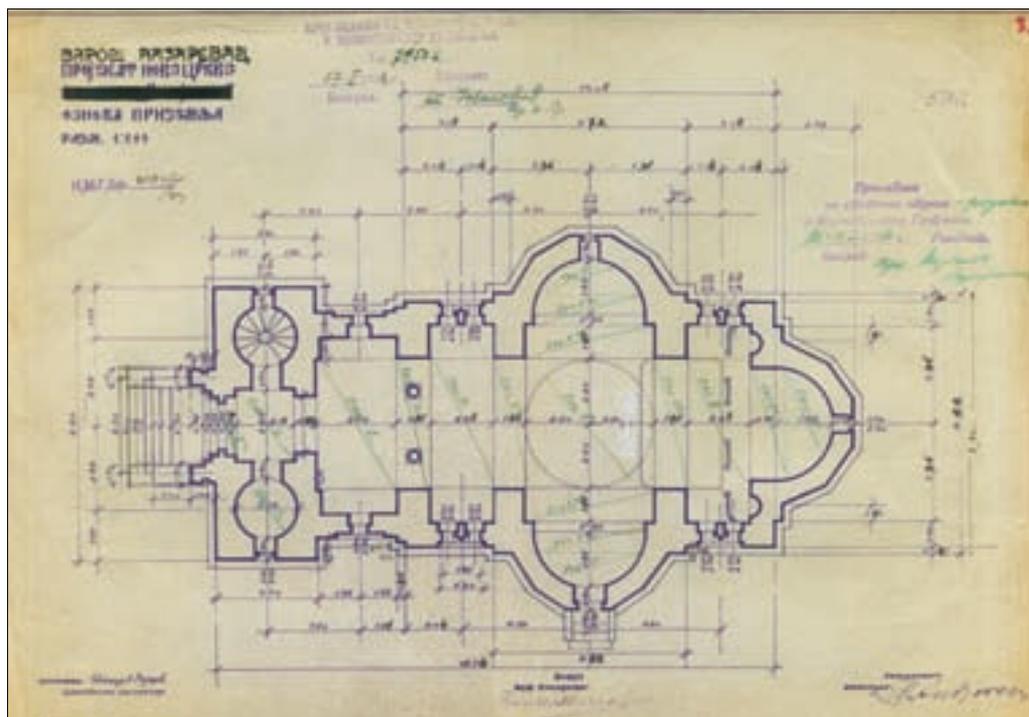
- Андрејевић Б.* Споменици архитектуре Ниша од 1878. до 1944. године // Нишки зборник. 11. Ниш, 1982. С. 95–100.
- Андрејевић Б.* Споменици Ниша. Ниш, 1996.
- Брдаф В.* Од Париса до Брашована. Нови Сад, 2003.
- Вујовић Б.* Црквени споменици на подручју града Београда II // Саопштења. ЗЗЗСКГБ 13. Београд, 1973.
- Вујовић Б.* Београд у прошлости и садашњости. Београд, 1994.
- Вујовић Б.* Српске цркве и манастири Београда. Београд, 1995.
- Гордић Г., Павловић-Лончарски В.* Руски архитекти у Београду. Београд, 1998.
- Дрљевић М.* Пластична декорација цркве Св. Тројице у Лесковцу // Лесковачки зборник. XLVII. Лесковац, 2007. С. 161–176.
- Ђурђевић М.* Григорије Самојлов (архитектонски опус) // ГГБ. XLIV. Београд, 1997. С. 257–272.
- Ђурђевић М.* Прилог проучавању живота и дела архитекте Петра Димитријевића Анагностија // ГГБ. XLVII–XLVIII. Београд, 2000–2001. С. 239–251.
- Ђурђевић М.* Урбанистичко-архитектонска делатност Ђорђа Павловича Ковалењског у Србији // ГГБ. XLIX–L. Београд, 2002–2003. С. 169–181.
- Ђурђевић М.* Архитект Василиј (Вилхелм) Фјодорович Баумгартен // ГГБ. LI. Београд, 2004. С. 183–191.
- Ђурђевић М.* Архитект Андреј Васиљевич Папков // ГГБ. LII. Београд, 2005. С. 297–311.
- Живковић М.* Градитељи Ниша. Ниш, 1993.
- Јовановић М.* Српска ликовна уметност и Русија крајем XIX и почетком XX века // Саопштења. РЗЗЗСК XV. Београд, 1983. С. 124–126.
- Јовановић М.* Српско црквено градитељство и сликарство новијег доба. Београд; Крагујевац, 1987.
- Јовановић М.* Оплепац. Топола, 1989; *Трпковић Б.* Стари двор на Дедињу // Свеске Друштва историчара уметности Србије. 16. Београд, 1985. С. 100–104.
- Кадичевић А.* Допринос руских неимара-емиграната српској архитектури између два светска рата // Руси без Русије. Српски Руси. Београд, 1994. С. 243–254.
- Кадичевић А.* Цркве архитекте Василија Андросова у Лесковцу и околини // Лесковачки зборник. XXXV. Лесковац, 1995. С. 75–79.

- Кадијевич А. Прилог проучавању дела архитекта Николе Краснова у Југославији (1922–1939) // Саопштења. РЗЗСК XXVI. Београд, 1995. С. 181–192.
- Кадијевич А. Примери архитектуре српског националног стила у Врању између два светска рата // Врањски гласник. XXVIII. Врање, 1995. С. 67–80.
- Кадијевич А., Марковић С. Градитељство Лесковца и околине између два светска рата. Лесковац, 1996.
- Кадијевич А. Проучавање доприноса руских емиграната српској архитектури двадесетог века // Гласник Друштва конзерватора Србије. 21. Београд, 1997. С. 177–178.
- Кадијевич А. Рад Николаја Краснова у Министарству грађевина Краљевине СХС / Југославије у Београду од 1922. до 1939. године // ГГБ. XLIV. Београд, 1997. С. 221–255.
- Кадијевич А. Рад архитеката Јулијана Дјупона и Всеволода Татарина у југоисточној Србији // Лесковачки зборник. XXXVIII. Лесковац, 1998. С. 137–142.
- Кадијевич А. О раду руског архитекте Сергеја Фармаковског у Рашкој и околини између два светска рата // Новопазарски зборник. 22. Нови Пазар, 1998. С. 131–140.
- Кадијевич А. Београдски период рада архитекте Виктора Викторовича Лукомског (1920–1946) / ГГБ. XLV–XLVI. Београд, 1998–1999. С. 115–132.
- Кадијевич А. Рад архитекте Ивана Афанасјевича Рика у Југославији између два светска рата // Саопштења. РЗЗСК XXX–XXXI. Београд, 1998–1999. С. 233–237.
- Кадијевич А. Београдски опус архитекте Романа Николајевича Верховскоја (1920–1941) // Наслеђе. II. Београд. 1999. С. 33–40.
- Кадијевич А. О раду архитекте Ксеније Белавенец-Медведев // Лесковачки зборник. XL. Лесковац, 2000. С. 115–123.
- Кадијевич А. О раду руских архитеката у јужној Србији између два светска рата // Лесковачки зборник. XLI. Лесковац, 2001. С. 245–252.
- Кадијевич А. Улога руских емиграната у београдској архитектури између два светска рата // ГГБ. XLIX–L. Београд, 2002–2003. С. 131–142.
- Кадијевич А. Василије Михаилович Андросов (1872–1944), пројектант цркве св. Константина и Јелене у Пожеги // Ужички зборник. 29. Ужице, 2005. С. 199–224.
- Којић Б. Друштвени услови развика архитектонске струке у Београду 1920–1940. године. Београд, 1979. С. 259–263.
- Маневић З. (eds.). Лексикон српских архитеката 19. и 20. века. Београд, 1999.
- Милетић-Абрамовић Љ. Архитектура вила и резиденција Београда 1830–2000. Београд, 2002. С. 116–123, 220–223, 240–249.
- Миловановић М. Архитекта Григорије И. Самојлов // Руска емиграција у српској култури XX века. I. Београд, 1994. С. 308–314.
- Миловановић М. Григориј Иванович Самојлов // Руси без Русије. Српски Руси. Београд, 1994. С. 255–265.
- Миловановић М. Андреј Васиљевич Папков // Руси без Русије. Српски Руси. Београд, 1994. С. 265–272.
- Миловановић М. Преглед делатности архитекте Александра Ивановича Медведева на подручју југоисточне Србије // Лесковачки зборник. XXXVI. Лесковац, 1996. С. 19–26.

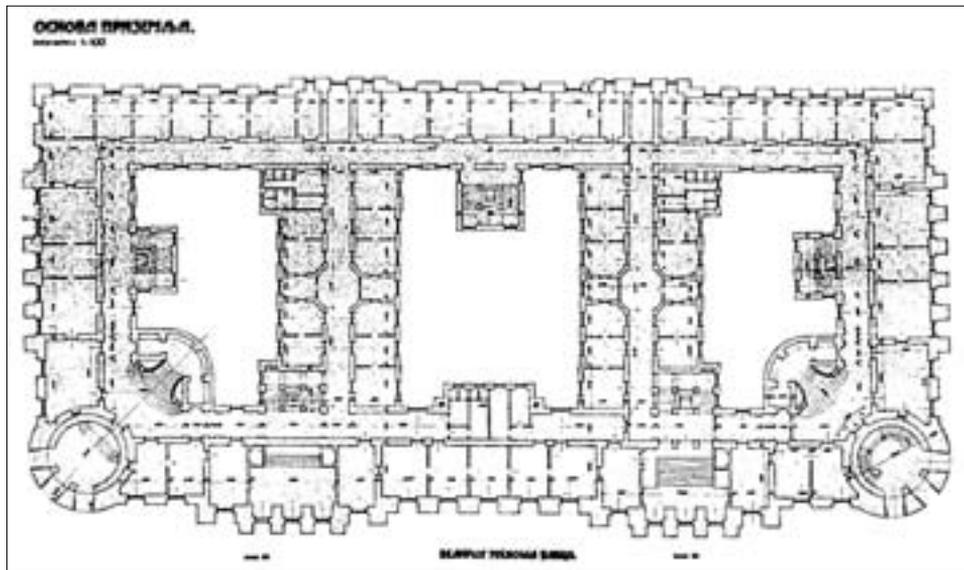
- Несторовић Б.* Постакадемизам у архитектури Београда (1919–1941) // ГГБ. XX. Београд, 1973. С. 349–353.
- Палибрк-Сукић Н.* Руске избеглице у Панчеву 1919–1941. Панчево, 2005. С. 87–88.
- Поповић М.* Хералдички симболи на београдским јавним здањима. Београд, 1997.
- Поповић Г.* Тајна Ружичастог салона // Политика. 1998. 19 сент.
- Просен М.* Палата Пензионог фонда чиновника и служитеља Народне банке // ГГБ. XLIX–L. Београд, 2002–2003. С. 183–193.
- Просен М.* Архитекта Григорије Самојлов. Београд, 2006.
- Ракочевић Б., Латинчић О.* Руски емигранти у Београду. Траг и инспирација. Београд, 1996.
- Руска емиграција у српској и другим словенским културама: Тезе реферата. Београд, 1997.
- Стефановић Т.* О архитектури спомен-чесме палим за отаџбину у Власотинцу // Лесковачки зборник. XLVII. Лесковац, 2007. С. 121–134.
- Тошева С.* Капитална дела руских архитеката у Београду // Руска емиграција у српској култури XX века. I. Београд, 1994. С. 302–307.
- Тошева С.* Рад руских архитеката у Министарству грађевина у периоду између два светска рата // ГГБ. LI. Београд, 2004. С. 169–181.
- Трифуновић В.* Архитектура о Крагујевцу. Крагујевац, 1995.
- Шкаламефа Ж.* Архитекта Никола Краснов (Москва 1864 — Београд 1939) // Свеске Друштва историчара уметности Србије. 14. Београд, 1984. С. 109–129.
- Djordjevic M., Kadjevic A.* Russian Emigrant Architects in Yugoslavia (1918–1941) // Centropa. 2. New York, 2001. P. 139–148.
- Ignjatović A.* Jugoslovenstvo u arhitekturi 1904–1941. Beograd, 2007.
- Manević Z.* Novija srpska arhitektura // Srpska arhitektura 1900–1970. Beograd, 1972. S. 17–18.
- Manević Z.* Jučerašnje graditeljstvo I, Urbanizam Beograda 53–54, Prilog 9. Beograd, 1979. S. VI, XV.

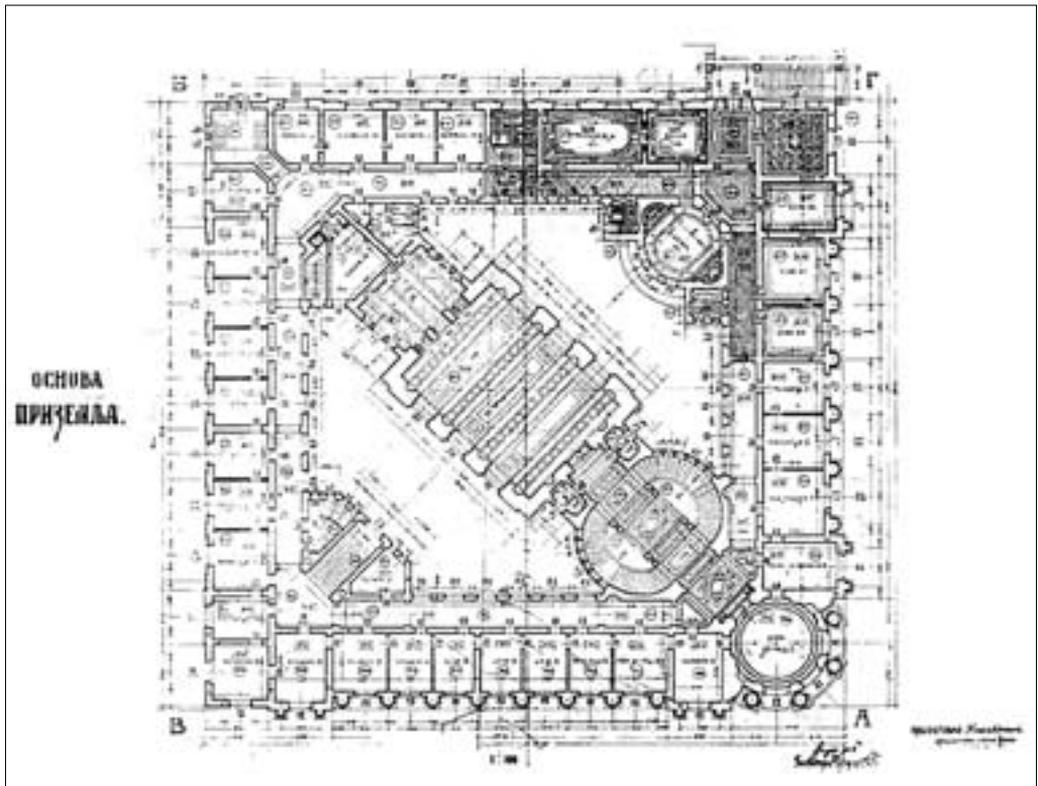
В. М. Андросов. Проект Свято-Троицкого собора в Лесковце. Западный фасад, разрез. 1929

В. М. Андросов. Проект новой церкви в Лазареваце. 1931

Н. П. Краснов. План и вид здания Министерства лесного и горнорудного хозяйства. 1926

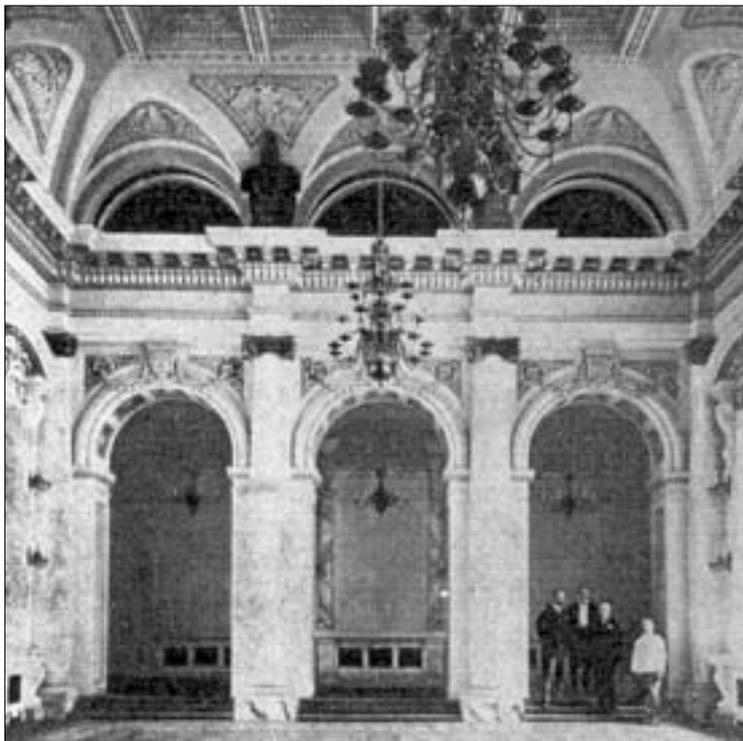
Н. П. Краснов. Проект Министерства финансов в Белграде. 1925

Н. П. Краснов. Здание общинной управы в Смедереве

И. А. Рык. Проект православной церкви в Панчево (не осуществлен)

В. Ф. Баумgarten. Интерьер главного зала в Генеральном штабе армии в Белграде. 1924–1928